

Глава 3

Историограф Татищев и уральские кержаки

После первого сборника крестьянских урало-сибирских сочинений, с которым мы познакомились в том горном скриптории, немало других подобных же сборников обнаружили на огромном пространстве востока страны, приобрели или скопировали археографы Новосибирска и Свердловска. В сочетании с архивными документами эти сборники рассказывают увлекательнейшие истории перипетий крестьянской борьбы против казенной веры и полицейского государства. Судьбы многих из крестьянских вожаков, подобно судьбам Мирона Галанина и холопа Максима, могли бы стать канвой остросюжетных рассказов. И почти во всех этих историях большую роль будут играть книги — сочинения самих крестьян, произведения прежних веков, бережно хранимые в крестьянских тайниках, внимательно читавшиеся в разгар самой яростной борьбы. Историки и филологи наших дней все больше и больше интересуются кругом чтения людей прошлых эпох, составом их библиотек. История, к которой мы сейчас приступаем, могла бы быть раскрыта как противостояние двух библиотечных каталогов, списков двух книжных собраний, принадлежавших главным противоборствующим персонажам этой истории. Один из них — знаменитый историограф, культурнейший человек своего времени, уральский горный начальник Василий Никитич Татищев, основатель Екатеринбурга. Другой — Родион Федорович Набатов, беглый крестьянин, рудознатец, демидовский приказчик, организатор широкой противоправительственной деятельности.

Каталог екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева, переданной им в 1737 г. городу, нашли молодые новосибирские исследователи И. А. Гузнер и Л. А. Ситников в 1970-х гг. Интерес к этому документу был столь велик, что пока сибирские ученые готовили его издание, каталог успел издать в авторитетнейшем столичном ежегоднике московский исследователь В. С. Астраханский — историки спорили между собою за право издания каталога. И действительно, это замечательный документ эпохи. В нем числится 617 томов (571 название) на общую сумму 1 039 рублей 39 копеек по ценам того времени. На русском языке только 54 тома, остальные книги изданы на разных языках в Англии, Австрии, Германии, Голландии, Польше, Швеции, Швейцарии, Франции. Кроме большого количества книг по истории (146), в екатеринбургской библиотеке знаменитого истори-

ографа были книги по географии (32), грамматике (24), математике (19), медицине (10), военному делу (10).

В 1752 г. в руки церковных следователей попал составленный Родионом Набатовым в 1745 г. каталог 50 книг его библиотеки. Это традиционные для старообрядческой библиотеки книги: тексты священного Писания, творения отцов Церкви, богослужебные книги, по-

В. Н. Татищев

лемические сочинения старообрядческих писателей. Но в его библиотеке есть уже и несколько светских книг. Наряду с каким-то «Описанием Рима с пределы» мы видим здесь книгу, имеющуюся и в библиотеке Татищева: «Ифика и иерополитика и философия нравоучительная», — составленное в кругах, близких к Киевской академии, наставление о воспитании юношества. Среди русских книг библиотеки В. Н. Татищева мы находим какое-то «Киевское деяние» — по всей видимости, сочиненная церковью в начале XVIII в. антистарообрядческая фальшивка «Деяние на Мартина еретика» Киевского собора 1157 г. Фальшивка эта была блестяще разоблачена старообряд-

ческими поморскими палеографами, руководителями Выговской пустыни братьями Денисовыми, и это разоблачение по праву считается началом русской научной палеографии, подобно тому как «История Российская» В. Н. Татищева — началом русской исторической науки. В библиотеке Набатова имелась запрещенная церковью рукопись сочинения Денисовых с этим разоблачением — «Поморские ответы».

В библиотеке В. Н. Татищева немало естественно-научных книг, в том числе трактат Уилкинса «В защиту Коперника». Родион Набатов, в жизни которого такую большую роль играла удача рудознатца, счастье строителя, риск заговорщика, держал в своей библиотеке популярное тогда руководство по магии Раймунда Люллия (к которому мы еще вернемся в шестой главе).

Две культуры противостоят друг другу в этих каталогах, два мира — допетровской Руси и послепетровской. И тем интереснее отметить причудливую логику истории: оба эти человека, боровшиеся друг с другом, во многом делали общее дело. Разными путями и с разных сторон развивали они уральскую промышленность, искали руды и строили рудники, способствовали развитию торговли. Все это двигало старую феодальную Россию по новым буржуазным путям. Подчас логика истории в деятельности этих двух людей приобретает даже «перевернутый» вид. «Птенец гнезда Петрова» Василий Никитич, всячески содействуя развитию горнозаводского Урала, стремится в то же время поставить это развитие в строгие рамки законодательства русского регулярного государства. Будучи сам помещиком рачительным и экономным, он, естественно, не любил крестьянского побега и поддерживал всей душой суровое законодательство против беглых. Когда он прибыл на Урал, то обнаружил, что леса близ демидовских и осокинских заводов наполнены тысячами беглых. Борьба Татищева с этим явным беспорядком лишала уральские заводы своеобразного, но широкого рынка вольнонаемного труда, способствовала укреплению на Урале ретроградных принципов крепостной мануфактуры. А борьба Родиона Набатова с суровым историографом оборачивалась, таким образом, борьбой за более передовую, буржуазную промышленность Урала.

Содержание нашей истории как раз и составляет их столкновение вокруг вопроса о беглых, которые в большинстве своем были старообрядцами, беглецами с недавно разгромленного правительством Петра I Керженца.

23 марта 1734 г. действительный тайный советник Василий Никитич Татищев был назначен начальником всего Урало-Сибирского горнозаводского округа, причем в императорской инструкции при его назначении было записано категорическое требование: строго

следить за частными заводчиками, чтобы они «беглых крестьян не приманивали и не держали», и «чтоб пришлые из русских городов ни под каким именем как при казенных, так и при партикулярных заводах не селились и на житье не оставались». Уже первые активные мероприятия В. Н. Татищева по выполнению этой инструкции крайне обеспокоили заводчиков и их приказчиков. Последние попытались было вернуть старые блаженные времена при помощи испытанного средства — взятки.

Но момент был неудачным. Как раз перед своим назначением в Екатеринбург Василий Никитич имел веский повод пожалеть о былой своей откровенности, когда он искренне доказывал самому августейшему преобразователю России, что разумная взятка поощряет полезное для государства служебное рвение взяткополучателя. Уже при Анне Иоанновне разоблачение соответствующих этой теории действий начальника Монетного двора В. Н. Татищева грозило ему немалыми неприятностями. Императрица, правда, замяла дело, памятуя о заслугах Татищева во время борьбы при ее восшествии на престол. Однако Татищев получил не оправдание, а лишь помилование. В Екатеринбурге он демонстрировал свою неподкупность. Верхушка екатеринбургского старообрядчества была поражена невероятным известием, что новый сановник отказался принять традиционное подношение в тысячу рублей. Успокоительная интерпретация происшедшего — будто неувязка произошла лишь из-за цены — рухнула уже на следующий день, когда Татищев отказался и от удвоенной взятки. Не помогли искренние разъяснения, что такса именно такова, что именно столько брал его предшественник. Уральские старообрядцы поняли, что надо готовиться к крупным неприятностям.

Вот как это описывал сам Василий Никитич в письме к всесильному графу Андрею Ивановичу Остерману, рассчитывая, конечно, на то, что императрице станет известно о его бескорыстии: «О здешних делах ныне иного донести не имею, токмо что раскольников по всем заводам стали переписывать, и хотя я думал, что их душ 1 000 либо наберется, однако слышу от них самих, что их более 3 тысяч будет. От оных приходил ко мне первый здешний купец Осенев и приносил 1 000 рублей, и хотя при том никакой просьбы не представлял, а однако ж я мог вырозуметь, чтоб я с ними так же поступил, как и прежние; я ему отрекся, что мне, не видя дела и не зная за что, принять сумнительно. На завтра пришел паки, да с ним Осокиных приказчик Набатов и принес другую тысячу; но я им сказал, что ни десяти не возьму, понеже то было против моей присяги. Но как они прилежно просили и представляли, что ежели я от них не приму, то они будут все в страхе и будут искать других мест, и я, опасаясь, чтоб никакого

вреда не учинять, обещал им оныя принять, когда о невысылке их указ получу, а до тех бы мест держали те деньги у себя, и с тем их отпустил».

В такой примечательной обстановке произошла первая встреча начальника Сибирских и Казанских заводов с двумя влиятельнейшими приказчиками, которым суждено было сыграть немалую роль в описываемых нами событиях.

Они были друзьями, и в судьбе их было немало сходного. Оба были беглыми. Родион Федорович Набатов происходил из семьи крепостных крестьян Троице-Сергиевой лавры, еще в ранней юности бежал на Урал, в скитаниях стал постепенно умелым рудознатцем, услугами которого с немалой выгодой пользовались Петр Осокин и Акинфий Демидов. Он открыл несколько месторождений железных и медных руд, «построил и в действие произвел» известный Иргинский завод, осокинские соляные промыслы в Кунгурском уезде. Он находился в близких отношениях с семейством Осокиных; когда позднее сын Петра Осокина Михаил пошел на немалый риск, открыто перейдя из православия в старообрядчество, Родион Набатов играл в этом деле активнейшую роль, что в конце концов стоило ему свободы и жизни. Родион Набатов пользовался доверенностью и Акинфия Демидова, несколько раз занимал на его уральских заводах высокие административные посты, управлял от имени Демидова Колывановоскресенскими заводами. Его административная деятельность часто была связана с дальними разъездами не только по Сибири и Уралу. Например, незадолго до вышеописанного разговора с В. Н. Татищевым он вернулся из служебной поездки в Петербург. Набатов использовал эти поездки как для торговли, так и для связи со многими старообрядческими деятелями.

На окраине Нижнего Тагила Родиону Набатову принадлежал хорошо известный лесным пустынникам и беглым крестьянам обширный двор, где под самым носом властей тайно расположился старообрядческий монастырек, укрепленный «с великою крепостию» — предосторожность эта оказалась не лишней.

Иван Степанов сын Осенев был из ясашных крестьян Казанской губернии. В 1714 г. он вместе с отцом бежал в Хохломскую волость, а когда их и там настиг подушный оклад, они в 1723 г. передвинулись еще дальше, на екатеринбургские заводы. Дав изрядную взятку предшественнику Татищева Геннину, они легализовали свое положение в Екатеринбурге. На новом месте Иван Осенев стал успешно заниматься торговыми делами, он быстро стал вести крупные торговые операции не только от своего имени, но и от имени заводчиков Осокина и Демидова, принимал участие в заводских делах. Перед вышеописанной беседой с Ва-

силием Никитичем он вернулся из торговой поездки в Москву. К этому времени он был владельцем двух дворов в Екатеринбурге и одного при Шайтанском заводе. В каждом дворе стояло три-четыре жилых и несколько хозяйственных построек. Мать Осенева Агафья Кондратьевна происходила из семьи поморских крестьян-старообрядцев и сохраняла тесную связь с известными центрами старообрядчества в Поморье и на Керженце. Им принадлежало несколько купленных дворовых людей, однако отношения с ними были у Осеневых куда сложнее, чем у обычных холоповладельцев. Так, например, «купленной в Питербурге чюхонской породы Петр Стефанов», значившийся холопом И. Осенева, был видным старообрядческим деятелем, который связывал его с крупным центром поморского старообрядчества в деревне Таватуйской. (В начале 1980-х гг. свердловские коллеги открыли еще несколько крестьянских сочинений о деятельности этого центра.)

Дом Осенева при Шайтанском заводе был полной чашей — шесть лошадей, три коровы, огород, двое саней, два ковра и т. д.; одних предметов столовой и кухонной утвари опись 1736 г. насчитала 108. Были там и церковные книги, в том числе учебные. Осеневу принадлежали три лавки, несколько кораблей. Его торговые операции охватывали Урал и Зауралье, Западную Сибирь, обе столицы. Отправляясь вскоре в Тобольск для нелегальной операции по освобождению беглых старообрядцев, Осенев прихватил с собой большую партию товара, за которую выручил в Сибирской столице 1 300 рублей.

И Осенев, и Набатов вели жизнь деятельную и подвижную. Успехи в торговле, в горнозаводском деле позволили им вырваться из обычного сельскохозяйственного быта крестьянской семьи, приобрести немалые капиталы и вместе с ними положение на заводах. Но это были успехи полулегальные, юридически они были беглыми крестьянами. Хотя Осенев был мягче, податливее своего друга, им обоим часто приходилось смело преступать рамки закона даже в делах торговых и заводских, не говоря уже о старообрядческих. Пробившись в торгово-промышленную верхушку старообрядчества, они по своему новому положению, естественно, тяготели к более умеренному, компромиссному курсу в отношениях старообрядцев с властями. Но они как по происхождению, так и по характеру своих связей, по неустойчивости своего положения были еще близки к крестьянской среде, могли успешно действовать в ней, лично знали видных руководителей крестьянского радикального старообрядчества. Среди этих последних важную роль играл очередной персонаж нашей истории, влиятельный уральский деятель Елисей Яковлев сын Поляков (старец Ефрем).

Вот что рассказали нам о нем документы, сохранившиеся в фонде консистории Тобольского архива, расположенного в здании «рен-терей», построенном после победы под Полтавой пленными шведами для «сороков» казенной сибирской пушнины.

Архивохранилище, что сейчас находится в здании «рен-терей», построенном после победы под Полтавой пленными шведами

Он происходил из семьи дворцовых крестьян села Данилова Костромского уезда. Еще юношей он убежал из своей деревни, лет десять портняжничал в Москве, затем укрывался в тайных убежищах беглых крестьян за рекой Угрой, в Вяземских лесах. Здесь он провел более 20 лет, стал бродячим старообрядческим чернецом и постепенно приобрел большое влияние на таких же, как он, беглых крестьян, в немалом количестве скрывавшихся в соседних лесах. Однако какие-то неизвестные нам события заставили Ефрема срочно искать более удаленные от властей места — он бежит в Хлыновские леса, а оттуда — на Урал. Ко времени появления здесь Татищева он является уже одним из главных руководителей урало-сибирских крестьян-старообрядцев. И в потаенных лесных скитах, и на заводах, и в крестьян-

ских домах, и в купеческих особняках Урала и Западной Сибири его имя значило немало. И конечно, не случайно получилось так, что бурные татищевские действия по ликвидации тайных убежищ беглых крестьян окончились для Ефрема с минимальными потерями: его истинное положение и даже монашеский чин удалось скрыть от возглавлявшего одну из военных команд поручика К. Брандта. Он, как обычный беглый крестьянин, был лишь положен в подушный оклад при заводах.

А между тем татищевская акция была организована масштабно. На основании сенатского указа военные команды прочесывали уральские леса, находили и сжигали десятки тайных убежищ беглецов, выгоняли из леса их обитателей. В результате этой выгонки тысячи беглых крестьян подлежали возвращению их помещикам, около 500 наиболее упорных старообрядцев предполагалось разослать по монастырским тюрьмам Сибири. (Эту военную меру знаменитого историка наряду с нами подробно исследовал Р. Г. Пихоя.) В скитах команды Василия Никитича обнаружили несколько древних манускриптов, оказавшихся ценными историческими источниками.

И все-таки татищевская акция провалилась. Большинство высланных на старое местожительство до своих крепостных деревень не доехали и исчезли. Оставленные на Урале и обложенные там феодальной рентой также не стали тянуть тягло и бежали. Серия дерзких побегов заключенных старообрядцев из сибирских монастырей привела к тому, что изо всех арестованных лишь единицы остались под арестом. Это особенно рассердило Татищева. По его требованию для расследования обстоятельств побегов была назначена специальная сенатская комиссия советника Батурина. Ее материалы показывают, как сравнительно небольшая группа влиятельных старообрядцев, пользуясь поддержкой сибирских и уральских крестьян, казаков, солдат и демидовских приказчиков, сумела в обстановке ведомственных разногласий внутри бюрократической машины организовать и осуществить массовые побеги арестованных. Разгромленные убежища беглецов быстро заполнились вновь. Уже через несколько месяцев после выгонки военная команда прапорщика Соловьева обнаружила за пять дней близ Черноисточенского завода 18 новых «пустынь».

Одним из главных организаторов этих массовых побегов был старец Ефрем. В мае 1736 г. Ефрем, получив у демидовской администрации ложные документы для поездки в Тобольск, оказался в сибирской столице, где был немедленно принят с честью в демидовской резиденции. К его услугам были предоставлены не только покои, удобные для жилья и ведения переговоров весьма доверитель-

ного характера, но и несколько старообрядцев, постоянно живших в этой резиденции и деятельно помогавших Ефрему в его планах. К этому времени в Тобольске несколько человек уже занимались успешной организацией побегов старообрядцев, отправленных в сибирские тюрьмы. В частности, четко организовывал такие побеги приехавший уже в Тобольск из Екатеринбурга Иван Осенев. В середине мая 1736 г. в тобольской резиденции Демидовых старец Ефрем тайно организовал важную встречу. Из полковой гауптвахты караульный солдат привел к нему двух содержащихся там под арестом раскольников, в том числе двоюродную сестру Ефрема Евпраксию. Визит из тюрьмы в частные дома был обычным для колодничьих нравов тех лет делом — колодники кормились в основном за счет частной благотворительности и милосердия обывателей, для возбуждения коих арестованных регулярно водили под караулом по домам, рынкам, даже кабакам; пользоваться подобными ситуациями для побега тюремная этика запрещала, ибо это значило оставить других колодников без хлеба. Беглую крестьянку Евпраксию должны были вернуть на родину, в Костромской уезд. По слезной ее просьбе Ефрем пообещал устроить ей побег. Был разработан смелый и необычный план. Евпраксию содержали тогда в гарнизонной тюрьме, побег оттуда казался невозможным. Ефрем предложил Евпраксии, «чтоб де она ни пила, не ела семь дней или более, и умерла бы притворно, и повезут ее в убогий дом», откуда друзья Ефрема доставят ее на демидовское подворье. Евпраксия в страхе отвечала, что боится умереть на самом деле, на что Ефрем сказал: «Когда умрешь, то бог с тобою, а буде оживешь, то де мы тебя не оставим».

21 мая 1736 г. тобольский полковой врач свидетельствовал, что «в заутренней благовест содержащаяся на полковом бекете колодница из стариц Еупраксея Егорова волею божиею умре и положена была во гроб». Обмывали и клали в гроб ее три колодницы (тоже из арестованных стариц), якобы не заметившие ничего подозрительного. Жалкая кляча поволокла тело, положенное в дешевый растрескавшийся гроб, в «убогий дом», откуда ее должны были затем увезти за город, чтобы «загрести» без православного погребения. Клячу погонял мужичонка в рваной одежде. Это был один из богатейших граждан Екатеринбурга Иван Осенев; он и присмотрел треснутый гроб, чтобы бывшая в глубоком обмороке Евпраксия не задохнулась в нем. До «убогого дома» их сопровождал солдат. Когда он ушел, Осенев, оставшись в «убогом доме» с гробом один, вынул из него Евпраксию. Сначала ему показалось, что она и впрямь умерла. Однако энергичные меры Осенева вернули ее к жизни. Он нарядил ее в хорошую мужскую одежду («в серой кафтан да в комзол в суконной коришневой»)

и повел вдоль берега Иртыша к демидовскому дому. Но по дороге, в прибрежном лесу, Евпраксия ослабела настолько, что Осенев вынужден был оставить ее под деревом и пойти домой за лошастью. Но тут случилось непредвиденное. Когда Иван Осенев вскоре вернулся с лошастью, он не нашел Евпраксии на месте. Следы у дерева говорили о недобром. Осенев поспешил уйти подальше от опасного места, но внезапно был схвачен солдатами.

Дело в том, что за время недолгого отсутствия Осенева, потерявшую опять сознание Евпраксию случайно обнаружили драгун Андрей Романов и школьник Тобольского полка Никифор Лебедев, гулявшие вдоль Иртыша. Совсем недавно они, оказывается, были свидетелями притворного «умертвия» Евпраксии. Увидев усопшую воскресшей, да еще в мужской одежде, они сначала изрядно испугались, но потом стали искать рационального объяснения увиденного. Издали заметив спешащего к Евпраксии с лошастью Осенева, они все поняли и решили выслужиться. Осенев не заметил засады.

После четырех дней страшных пыток, допросов, очных ставок Евпраксия и Осенев выдали Ефрема. 25 мая он был арестован. Теперь уже начальство знало, кто к ним попал. Да Ефрем и не скрывал этого. В день своего ареста после первых допросов в Сибирской губернской канцелярии он направил «Антонию, митрополиту тобольской и сибирской духовности» (само это обращение оскорбительно!) яростное послание.

Среди многих крестьянских произведений протеста этот замечательный документ стойкости человеческого духа не может затеряться. Он начинается спокойным и уверенным поучением, в котором старец Ефрем преподает митрополиту Антонию основы христианской догматики и обличает никоновские нововведения. Арестованный на память цитирует при этом многие популярные в старообрядческой полемической литературе сочинения — «Стоглав», «Большой катехизис», творения Максима Грека, «Книгу Кирилла Иерусалимского», «Поморские ответы». «В том стоим и умерети хотим», — гордо завершает Ефрем изложение своего символа веры и переходит к бичеванию взглядов и поведения «никонианского» духовенства. Он завершает это осуждение категорическим проклятием всей господствующей церкви: «И единомысленных ему, Никону, проклинаям и отрицаем и церковь тую неправославну нарицаем». Затем Ефрем переходит к доказательству опаснейшего тезиса, что это проклятие относится в первую очередь к Святейшему синоду. Он обличает пытошную практику синодальных исследований, остро критикует изданные Синодом книги, направленные против старообрядцев; вслед за Денисовыми он издается над попыткой церкви сфабриковать в борьбе со старообрядца-

ми подложное «Соборное деяние на Мартина еретика». Итогом всего этого критического обзора является энергичное заявление Ефрема: «И то ложное все показание и неправое ваше мудрование не приемлем, и проклинаям, и анафема».

Антоний отправил это письмо в Синод, который решил, что «злолательное письмо» Ефрема — это уже дело политическое, и передал все следствие в страшную Канцелярию тайных розыскных дел. Грозный шеф этого ведомства Андрей Иванович Ушаков, перед которым трепетали вельможи и сановники, отправил в Тобольск строгое приказание допросить всех замешанных в деле для выяснения следующего: «В написании оного злолательного письма другие кто имянно со оным Ефремом и с сестрою его Евпраксиєю согласники имеются, и в каковом подлинно намерении, и чего ради такое злолательное письмо они сочиняли, и чрез то свое письмо чему быть они надеялись, и много ли таких или других каковых... писем у них сочиняемо было, и где, и куда имянно их употребляли и чрез кого».

Одновременно злое ведомство А. И. Ушакова сообщило в Тобольск, что независимо от исхода этого большого следствия старец Ефрем уже вполне заслужил, чтобы его, публично наказав кнутом и вырезав ему ноздри, сослали «в каторжную или на казенные железные заводы в работу вечно». Канцелярия рекомендовала чрезвычайные меры для охраны старца Ефрема. Однако этот полезный совет несколько запоздал.

В августе он пытался подкупить караульного ефрейтора, чтобы тот помог ему бежать, но ефрейтор сообщил об этом начальству, и режим содержания Ефрема еще ужесточили: к нему приставили специальных караульных, которые стерегли его одного, не отходя от него ни на шаг, всем остальным солдатам было запрещено даже приближаться к нему. Но постепенно Ефрем смог завоевать расположение нескольких караульных — экстраординарные меры по охране Ефрема внушали солдатам уважение к нему. Один из них, гобоист Евдоким Михайлов, пошел, наконец, на риск передачи писем Ефрема на волю. Так Ефрему удалось установить контакт с Родионом Набатовым, который после ареста Ефрема срочно прибыл в Тобольск и все это время безуспешно пытался помочь ему. Через некоторое время Родион сумел даже тайно встретиться с Иваном Осеневым. Эта беседа двух старых друзей была на редкость интересной для историков, исследующих сейчас общие судьбы русских толстосумов из крестьян в XVIII в.

Акинфию Демидову и Петру Осокину не раз приходилось вызволять своих приказчиков из всяческих неприятностей, но это вовсе не значит, что друзья — влиятельные приказчики и богатые торговцы —

сами искали конфликтов с властями. Как раз наоборот. В уралосибирском старообрядчестве в середине 30-х гг. они возглавляли наиболее умеренное течение, активно пытавшееся нащупать тогда какой-то компромисс с государством. Совсем недавно, в сентябре 1735 г., группа приказчиков уральских заводов во главе с Р. Набатовым и И. Осеневым подала на «высокоматернее имя» «всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоановны, самодержицы всероссийской» челобитную с проектом примирения старообрядчества и господствующего православия. Но правительство Бирона не имело достаточной гибкости и желания для компромисса, склоняющего на сторону властей богатую торгово-промышленную верхушку старообрядчества; лишь при Екатерине II будет сделана такая попытка, да и то очень робкая. А в 1735 г. единственным ответом на челобитную было продолжение татищевского сыска. И логика развертывания дальнейших событий вокруг этого сыска опять толкнула обоих видных приказчиков на путь острой борьбы с властями.

Вот они и встретились в тобольском доме Родиона Набатова. Немалых денег стоило организовать эту тайную встречу, уломать конвойных доставить сюда на часок осокинского приказчика, побывавшего уже в застенке. И вот конвойные вышли, поверив слову колодника, что он не убежит. Иван и Родион остались одни. Два влиятельных и далеко не безрассудно авантюрных человека, явно дороживших с немалым трудом завоеванным положением на Урале, обсуждают, как им перехитрить саму Канцелярию тайных розыскных дел и похитить старца Ефрема. За последние месяцы оба организовали уже немало побегов, но этот случай исключительный. Успех задуманного ухудшит и без того отчаянное положение Ивана, будет стоить свободы Родиону. Но выдавший однажды под пыткой Ефрема Иван Осенев теперь всячески способствует его побегу — сообщает Родиону важные подробности охраны темниц Тобольского кремля, где заточен Ефрем. В конце беседы Осенев заговаривает об организации собственного побега — во время обыска на одном из его кораблей нашли незаконный груз пороха и ему грозит вечная каторга. Но оба понимают, что побег Осенева изрядно осложнит бы главное дело, и Осенев возвращается в тюрьму, оставив мысль о собственном побеге.

Освобождение Ефрема Родион готовит тщательно. Основное внимание он уделяет организации многократно дублированной сети тайников, где бы Ефрем смог укрыться после побега. Когда по уральским лесам все еще рыскают воинские команды в поисках беглых крестьян, обычные лесные убежища Родион считает ненадежными и предпочитает им дома верных людей в крупных селах и даже городах. Сотни рублей шлет он в разные места Западной Сибири и Ура-

ла. Но еще надежнее те убежища, которые не стоили Родиону ни рубля, — их хозяева знают, кого им предстоит укрывать, и готовы все сделать для него.

Подготовка занимает около трех месяцев. Наконец, все готово. На нескольких вариантах маршрута Ефрема ждут сменные лошади. Первые сани будут стоять под самыми стенами Тобольского кремля. Остается самое рискованное — подготовить все внутри этих стен. Здесь надо все увидеть и рассчитать самому. И Родион проникает в кремль, в тюрьму, сообщает Ефрему все детали и дату побега. Затем он уезжает «по заводским делам» подальше от Тобольска — на Алтай. Он знает, что завтра же любой из подкупленных им солдат сможет назвать под пыткой его имя.

В стене Тобольского кремля близ Павлиньей башни сохранилась доныне узкая бойница...

19 декабря в 11 часов ночи старца Ефрема ведут по тюремному двору назад в камеру. «Почему-то» с него сняты ножные кандалы, оставлены лишь ручные. Сопровождает его только один караульный — солдат Кочешев. Они останавливаются у кремлевской стены близ Павлиньей башни. Здесь в стене сохранилась доныне узкая бойница,

обычно забитая ставнями, которые кто-то снял в ту ночь. Впоследствии Кочешев на жесточайших пытках, вися на дыбе, утверждал, что ничего не знал о побеге; он так и умер на пытке, настаивая на своем. Согласно его версии, он лишь ненадолго отвернулся «для мочения» и вдруг заметил, что Ефрем исчез. Шестидесятилетний старец в ручных кандалах выбросился в бойницу. Ефрем скатился с 50-метрового заснеженного холма, на вершине которого высятся стены Тобольского кремля. Внизу его с санями ждал тюменский казак Петр Зубарев, который тут же отвез его к себе домой (за это он получил от Родиона 12 рублей). Затем Ефрема две недели скрывал в подполе своего дома в соседней деревне казачий атаман Федор Иванов сын Корнилов. Потом тюменский ямщик Мирон Ергаков отвез его в Тюмень и укрывал в своем доме. Оттуда его перевезли на Урал и прятали под самым носом у Татищева, в Невьянске.

Тайная канцелярия, еще не подозревающая о побеге из-за дальности расстояния, шлет очередное грозное напоминание в Тобольск накрепко стеречь зловерного автора «лаятельного письма». Тобольские власти с запоздалой активностью рассылают во все стороны воинские команды, старик Акинфий Демидов громко жалуется самой императрице на притеснения этих команд, которые кое-где уже привели к традиционным старообрядческим протестам в форме саможжения. Татищев в свою очередь пишет в гневе жалобу в Сенат на самого сибирского губернатора Бутурлина, якобы потворствующего опасным врагам престола. А Ефрем Сибиряк тем временем отсиживается на Невьянском заводе, затем в монастырьке Р. Набатова на Нижне-Тагильском заводе, где его чуть было не захватила военная команда, спасли лишь укрепления и тайные выходы. Через несколько месяцев Ефрем считает уже возможным перекочевать в традиционные лесные убежища по рекам Сылве, Обве, Буте. Здесь, в январе 1738 г., под самым носом у команды подполковника Мазовского, он даже проводит на заимке какого-то токаря Никифора «съезд великий» руководителей крестьянских старообрядческих общин.

Осталось рассказать немного. Родион Набатов был все же арестован на Алтае и доставлен в Тобольск. Но здесь в его судьбу опять вмешался Акинфий Демидов. Неизвестно, кого и какими аргументами он убеждал, но Сибирская губернская канцелярия вдруг «по ошибке» выпустила Родиона на поруки, а в 1741 г. его «по ошибке» подвели под действие амнистии, на старообрядцев отнюдь не распространявшейся.

На всякий случай заводчик Петр Осокин разработал другой вариант освобождения Родиона. В 1741 г. он подал императрице Елизавете прошение, где доказывал, что арест такого специалиста нано-

сит заводам и казне немалый ущерб. Кроме того, он заявлял, что Родион задолжал ему огромную сумму — 1 000, рублей и требовал выдать ему Родиона для отработки долга. Во всяком случае Р. Набатов после этого работал у Осокиных и какое-то время даже фактически управлял Алтайскими заводами Демидова, пока в 1752 г. не был арестован сразу по нескольким делам. Сначала думали вернуть его законному хозяину — Троице-Сергиевому монастырю, потом передумали и уморили в сибирских застенках.

Ивана Осенева перевели было на каторжные работы в Екатеринбург, но Синод опротестовал это, и его вернули в тобольскую тюрьму для нового следствия, которое тянулось очень долго и завершилось характерным решением Синода: содержать И. Осенева «под крепким арестом в тягчайших работах без всякого послабления» бессрочно — впредь до его обращения в православие. Через полгода после этого решения И. Осенев согласился написать формулу православного символа веры и отречения от раскола и был принят в лоно официальной церкви. Спустя еще полгода его отдали на поруки брату Якову. И. Осенев продолжал вести торговые дела, но в 1750 г. Яков донес на него, а заодно и на свою мать, что они занимаются распространением раскола и что обращение Ивана в православие было притворным. Завертелось колесо нового следствия, в которое были втянуты мать и жена Ивана, его дворовые; сам он попытался убежать от следствия, но был схвачен и доставлен в Тобольск. И. Осенев купил свободу ценою вторичного притворного обращения в православие. Но в эти же дни на западных рубежах страны власти захватили при попытке контрабандного вывоза большую партию «заповедного товара» — ревеня. Вскрылись многотысячные операции Осенева по незаконной покупке ревеня у контайшинских купцов и транспортировке контрабанды через всю Европейскую Россию. И. Осенев отправил самой императрице Елизавете на редкость красочное покаяние и Сенат амнистировал его.

Евпраксия много лет пробыла в заточении и лишь в конце 40-х гг. была «по ошибке» отдана на поруки в Екатеринбург. Старца Ефрема так и не поймали¹.

¹ Жительница уральского села Чусовое М. В. Мезенина сообщила, что последние годы жизни Ефрем Сибиряк провел в лесу близ их села, в котором до сих пор чтут его память; но за точность этой информации ручаться нельзя.